

Научная статья
УДК 94 (470. 22)
doi:10.37614/2949-1185.2024.3.4.007

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ГЕЛЬСИНГФОРСА ВЕСНОЙ 1917 ГОДА

Елена Юрьевна Дубровская

Карельский научный центр Российской академии наук, Институт языка, литературы и истории, Петрозаводск, Россия, ldubrovskaya@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1893-7873>

Аннотация

Статья продолжает начатое прежде исследование политической топографии финляндской столицы Гельсингфорса (Хельсинки) в первые месяцы Российской революции 1917 года. Основываясь на материалах российских и финляндских архивов, на опубликованных источниках, автор показывает, как границы между «своим» и «чужим», установившиеся в первые дни революции, по прошествии времени утрачивали силу и оказывались размытыми. Прослеживается семантика разграничения «освоенного» и «неосвоенного» пространства и «порушения» морально устаревших символов царской армии (срезание погон и их демонстративное ниспровержение на мостовую, сходное с популярным в плакатной символике мотивом «попираия разбитых цепей»). Сделано заключение о том, что в обстановке первых революционных месяцев в армии и на флоте символы прежней власти трансформировались и заменялись новыми. Совместное с финскими рабочими прохождение по улицам и площадям города служило восстановлению нарушенных связей внутри сообщества моряков и армейцев перед лицом враждебного внешнего мира, а также демонстрировал отказ от противопоставления разноэтничных групп горожан и военнотружущих.

Ключевые слова:

Финляндия, пространство Гельсингфорса, революция 1917 года, российские военнотружущие, политическая топография города, трансформация символов

Благодарности:

статья выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания Карельского научного центра Российской академии наук (124022000029-0).

Для цитирования:

Дубровская Е. Ю. Политическая топография революционного Гельсингфорса весной 1917 года // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 3, № 4. С. 69–83. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.4.007.

Original article

POLITICAL TOPOGRAPHY OF THE REVOLUTIONARY HELSINGFORS IN THE SPRING OF 1917

Elena Ju. Dubrovskaya

Institute of Language, Literature and History of the Karelian Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia, ldubrovskaya@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1893-7873>

Abstract

The article continues the previously begun study of the political topography of the Finnish capital Helsingfors (Helsinki) in the first months of the Russian Revolution 1917. Based on the materials of Russian and Finnish archives, on published sources, the author shows how the boundaries between «own» and «alien», established in the first days of the revolution, lost force over time and turned out to be blurred. The semantics of delimiting the «mastered» and «undeveloped» space and «scolding» the morally obsolete symbols of the tsarist army (cutting shoulder straps and their demonstrative overthrow on the pavement, similar to the motif "trampling broken chains" popular in poster symbols) can be traced. It was concluded that in the context of the first revolutionary months in the army and navy, the symbols of the former power were transformed and replaced by new ones. Joint with Finnish workers, the passage through the streets and squares of the city served to restore broken ties within the community of sailors and army men in the face of a hostile external world, and also demonstrated a refusal to oppose ethnic groups of local population and servicemen.

Keywords:

Finland, city space of Helsingfors, Revolution 1917, Russian servicemen, political topography of the city, symbol transformation

Acknowledgments:

the study was funded from the federal budget as part of the state project No. 124022000029-0 assigned to the Karelian Science Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation:

Dubrovskaya E. Yu. Political topography of the revolutionary Helsingfors in the spring 1917 // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities. 2024. Vol. 3, No. 4. P. 69–83. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.4.007.

Введение

В истории более чем столетнего пребывания Финляндии в составе Российского государства и дислокации российской армии и флота на территории автономного Великого княжества время Первой мировой войны занимает особое место [1: 270–373]. В предвоенные годы, наряду с экономической подоплекой, изменения финляндского курса самодержавия в обстановке усиливающейся конфронтации двух военно-политических блоков — Антанты и Тройственного союза — большое влияние на взаимоотношения Финляндии и России стал оказывать военно-стратегический фактор. Если до войны значение автономного Великого княжества Финляндского в российских военных планах сводилось к прикрытию путей из Балтийского моря в Финский залив в направлении столицы империи, то с началом военных действий в августе 1914 года линия обороны была перенесена на побережье Финского и Ботнического заливов, и возникла необходимость защищать не только российскую столицу Петроград, но и собственно финляндскую территорию [2: 217–241].

Во время Российской революции 1917 года социальные последствия военных действий и существования военных институтов переплелись с последствиями революционных потрясений всех сторон жизни российского общества. Это накладывало характерный отпечаток и на умонастроения солдат и матросов, служивших в гарнизоне великокняжеской столицы Гельсингфорса (Хельсинки) и на кораблях главной военно-морской базы Балтийского флота. Весной 1917 года прежний образ «внешнего врага» был преумножен и дополнен новыми — представителями «старого строя», духовенством, офицерами, «буржуями», под которыми стали подразумеваться затаившиеся враги революции.

Источниковую основу исследования составили многочисленные протоколы и резолюции солдатских и матросских собраний, заседаний комитетов воинских частей, опубликованные и хранящиеся в архивах письма российских военнослужащих в Финляндии, материалы военной цензуры и др. Эти материалы позволяют проследить, насколько сложным в обстановке продолжавшейся войны оказалось отношение военных к российскому правительству, политике финляндских властей, к местному населению. Большинство неопубликованных документов обнаружено среди материалов Национального архива Финляндии, в частности, в коллекции «Русские военные бумаги», и в фондах Российского государственного архива Военно-морского флота в Санкт-Петербурге (РГА ВМФ), в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), в Архиве Финского литературного общества¹.

Документы российских и финляндских архивов, прежде всего письма в редакцию «Известий Гельсингфорсского совета депутатов армии, флота и рабочих», позволяют взглянуть на круг вопросов, связанных с восприятием рядовыми и офицерами пространства финляндской столицы в условиях, когда шло формирование новой политической топографии революционного Гельсингфорса [3].

Для изучения общественных настроений людей, оказавшихся очевидцами или участниками событий, письма имеют особое значение. В них нашли непосредственное отражение представления военнослужащих о переживаемом моменте. Разумеется, письма и иные источники личного происхождения (дневники, воспоминания), как и официальные источники (приказы и распоряжения, военная печать и публицистика, наградные материалы), не свободны от идеологически окрашенных смысловых клише, часто возникавших против желания самих людей под воздействием нормативных суждений, утвержденных властью.

Бурный процесс формирования новой революционной символики, не обошедший стороной российские войска, дислоцированные в Финляндии, свидетельствует о стремительной переоценке норм и ценностей, выработанных в армейской и флотской среде за годы службы, а также о пришедших им на смену представлениях, которые со времени Февральской революции стали определять мировосприятие и поведение рядовых и офицеров, содействовать установлению их новой групповой идентичности [4].

Утверждение новых революционных символов

Современники вспоминали о грандиозной манифестации в Гельсингфорсе, состоявшейся 17 марта, в День памяти борцов за свободу. По примеру Петроградского совета, объявившего 23 марта Днем похорон жертв революции в Петрограде, здесь были устроено торжественное погребение двух матросов, погибших во время Февральской революции [5: 47–48].

Похороны, которые победители устроили двум погибшим рядовым², стали настолько важным событием для жителей финляндской столицы, что финские трамвайные служащие, учитывая многолюдность предстоящей демонстрации, приостановили в этот день движение трамваев. О совместном построении колонн финляндцев и российских военных, о маршруте прохождения, разработанном исполкомом Гельсингфорсского совета депутатов армии, флота и рабочих, оповестила своих читателей газета финских социал-демократов. Позже она опубликовала зарисовки «солдатского авангарда», почетного караула у могилы павших, финских и красных флагов над процессией³.

Депутаты Совета хотели добиться согласия финляндских властей на захоронение «борцов, отдавших жизнь за свободу», на одном из «священных» пространств города — на Вокзальной или на Торговой площади, перед бывшим царским дворцом. Однако выбор был признан неудачным: на площадях периодически разворачивалась рыночная торговля. Затем предлагались и традиционные места (Старое кладбище на Бульварной улице, территория парка Кайсаниеми), старый форт в Брунспарке вблизи побережья залива и самая высокая точка города — скалистая возвышенность Обсерваторская горка. Выбор последней и отказ от соблюдения установленного ритуала стали отрицанием привычной нормы. Обсуждался вопрос о том, как поступить с заказанными венками на могилу, ведь постановлением руководящего Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов использование этого «старорежимного» символа признавалось нежелательным. Решено было все же возложить изготовленные венки⁴. Для участия в похоронах «жертв революции» на берег было уволено до трети экипажей 1-й бригады линейных кораблей [6: 160]. Нормативный характер церемонии предусматривал присутствие на ней не только воинских подразделений, но и гражданских манифестантов⁵.

Разрешение на освобождение от участия в похоронах руководители учреждений должны были испрашивать заранее, строго мотивируя причины. Так, директор русской Александровской гимназии за десять дней обратился в исполком Гельсингфорсского совета с просьбой освободить учащихся из-за сильных морозов в день похорон⁶. Все занятия в русских школах в этот день отменялись. Бывший почтальон О. Синисало вспоминал, что такого шествия, как траурная процессия к месту захоронения матросов в парке Кайвопуйсто (Брунспарк), он не видел в Гельсингфорсе «ни до, ни после этого»⁷.

После проведения манифестации командующий флотом вице-адмирал А. С. Максимов заявил, что в церемонии погребения, прошедшей в образцовом порядке, приняли участие до 120 тысяч человек. Такое количество собравшихся намного превышало численность российских военных, находившихся в великокняжеской столице. Командующий и депутаты Совета расценили это как проявление «полного единения всего местного населения и воинских частей». Выступая на заседании исполкома Совета, Максимов сообщил о распоряжении Временного правительства дать «полную амнистию финляндскому народу по всем политическим делам»⁸.

Похоронный ритуал подразумевал обращение к сакральным образцам поведения. Он требовал подтверждения верности памяти героев — участников восстания военных в крепости Свеаборг в июле 1906 года, которое поддержали финские красногвардейцы. Культ героев, ставших жертвами репрессий самодержавия, напоминал об истории революционного движения в финляндских войсках и его связях с протестными действиями финнов. Пространству города предстояло стать местом увековечения памяти 28 расстрелянных революционеров. Наряду с подготовкой исторического очерка о ходе восстания, комиссия депутатов Совета должна была установить место казни, поставить временный памятник, а также назвать артиллерийские батареи именами героев Свеаборга. Такая инициатива исходила от объединенного комитета матросов и солдат Лагерного острова⁹.

В то время как военнотружущие ожидали сооружения памятников новым героям и отмечали революционные праздники, их отношение к старым имперским символам финляндской столицы становилось все более негативным. Последствия такого отношения могли сказаться и на судьбе

памятника Александру II на Сенатской площади в центре города, ставшего воплощением имперской идеи. В начале апреля исполкому Гельсингфорсского Совета пришлось принимать меры к «пресечению беспорядков и бесчинств, учиняемых бродячими толпами военных». Поступили сведения, что «группы неорганизованных солдат, матросов и гражданских лиц намереваются уничтожить памятники и другие произведения искусства, напоминающие о временах царизма». В исполком доставили арестованную женщину, выступавшую перед толпой с призывами против уничтожения памятника Александру II. Для охраны памятника начальник секции охраны народной свободы выслал дежурный взвод¹⁰.

Депутаты Совета распорядились отпечатать в 5 тысячах экземплярах «для самого широкого распространения» и опубликовать в «Известиях» воззвание, предостерегающее от попыток подобных актов общественного вандализма «со стороны лиц, которые подстрекают несознательных людей, не понявших сущности настоящей свободы»¹¹. Военным запрещалось «вмешиваться в личные дела финляндского народа» и «уничтожать памятники, принадлежащие Финляндии», а также «ходить по базару с оружием в руках, требуя уменьшения цен на продукты, и совершать прочие недостойные своего народа поступки» [7: 136].

Воззвание разъясняло, что памятники являются собственностью «чужого народа, теперь автономного», и не уничтожать их, а наоборот, охранять, «должен каждый сознательно понимающий свободу российский гражданин». Обращаясь к чувству национального достоинства сограждан, депутаты напоминали о том, что «каждый памятник является для страны безмолвным свидетелем прошлого, хотя бы и мрачного, и поставлен в назидание нашему потомству». Авторы воззвания выражали уверенность, что «разумный революционный народ твердо знает свои великие задачи, направленные к созданию величия родины, а не разрушения ее исторических богатств»¹².

4 апреля в Гельсингфорсе состоялся парад войск. Он был посвящен памяти рабочих, расстрелянных на Ленских золотых приисках в 1912 году, а также должен был ознаменовать месяц со дня свержения монархии. Парад начался на Торговой площади у Обелиска императрицы, с которого был сброшен двуглавый орел. Обелиск украсили флагами с надписями «Свобода» и «Да здравствует демократическая республика»¹³. Капитан 2-го ранга И. И. Ренгартен записал в дневнике: «Толпа на базарной площади сбила с памятника обелиска, поставленного финнами, орла и заодно часть камня»¹⁴.

Чудом уцелевший символ монархии впоследствии был обнаружен в Свеаборгском порту и уже в годы независимости Финляндии восстановлен на прежнем месте как память о «российском» периоде финляндской истории. Прежняя имперская идея трансформировалась в идею общенародного достояния новой свободной России, в соответствии с которой солдатам и матросам предстояло по-новому выстраивать отношения с бывшими имперскими символами. Эти символы, ставшие чужими, предстояло заново осваивать, приспособлявая к изменившейся социокультурной среде [8: 78–91].

Как и похороны «жертв революции» 17 марта, парад революции должен был дать российским военным и рабочим почувствовать свое единство с финляндским рабочим движением. От каждого линейного корабля 1-й бригады в нем принимали участие 125 матросов и 3 офицеров. Все желающие, за исключением вахтенных, в этот день списывались на берег [5: 48]. 2-я бригада линейных кораблей и крейсера послали на праздник по 100 человек от корабля. Миноносцы, заградители, тральщики и более мелкие суда были представлены общей делегацией в 500 человек, а сухопутные войска, пехота, артиллерия, инженерные войска делегировали по 20 представителей от каждой строевой роты.

Участники парада разделились на 4 колонны во главе с офицерами штаба, помимо моряков, солдат и казаков, в каждую из них входили около 100 представителей рабочих Свеаборгского порта и по 50 бойскаутов. Во время движения колонн оркестры исполняли «Марсельезу» и «Интернационал». Кораблям предписывалось «расцветиться флагами», казармы также украшались «зеленью и флагами». Несмотря на предосторожности военного времени, на кораблях и казармах вплоть до самого вечера была включена иллюминация. Гельсингфорсский совет обратился к финляндским властям с предложением, чтобы «город примкнул к иллюминации», а здание городского правления «украсилось всевозможными флагами»¹⁵.

Праздник революции, как и траурная церемония 17 марта, актуализировал связь с участниками рабочего движения в царской России. Жестоко подавленная забастовка, состоявшаяся в «прежнюю» эпоху, на огромном удалении от Финляндии, теперь воспринималась российскими военными в Гельсингфорсе как образец протестных действий, достойный подражания и сакрализации подобно Свеаборгскому восстанию 1906 года.

Высшей сакральностью были отмечены не только те точки имперского пространства, где совершался символический переход от старого к новому, но и моменты времени, в которые это происходило. Значимость шествия 4 апреля определялась и тем, что на следующий день было намечено выступление финских металлистов, требовавших введения 8-часового рабочего дня. Моряки и армейцы желали продемонстрировать свою солидарность с этими требованиями.

Дата праздника выпала на будний день, поэтому созданный в Гельсингфорсе Союз офицеров-республиканцев настаивал, чтобы руководство Совета перенесло торжества на ближайшие выходные ради бесперебойных «работ на оборону»¹⁶. Однако праздник перенесен не был, хотя большинство его участников поддерживали призывы выступавших к «дружной работе ради продолжения войны».

Не все участники парада представляли, сколько лет прошло со времени трагических событий на Лене. В выступлениях депутатов Совета при подготовке «праздника революции» и в речах ораторов на митинге иногда упоминалась «десятилетняя годовщина со дня расстрела». Проведение праздника не было продиктовано намерением отметить точную дату, сохраняемую коллективной памятью, но было призвано использовать механизмы социализации и приобщения военнотружущих к новой культуре, имеющей свою историю и мифологию. Для установления новой групповой идентичности революционных войск их руководители сочли необходимым именно 4 апреля напомнить о драматических событиях Февраля, проходивших месяц назад в финляндской столице [9: 180–191].

Колонны участников парада — около тысячи представителей от армейских частей и кораблей гельсингфорсской военно-морской базы — собирались в пунктах, наделявшихся особым значением. Это были Сенатская и Вокзальная площади, Брунспарк, Сандвикская площадь в конце Бульварной улицы. Последняя считалась «русским местом» благодаря располагавшемуся поблизости старейшему пивоваренному заводу купеческой династии Синебрюховых. Центром притяжения многотрудных потоков стала Торговая площадь, где находились главные символы низвергнутой власти: Мариинский дворец — бывшая императорская резиденция, дом генерал-губернатора и подвергшийся глумлению Обелиск императрицы. Здания, с начала марта являвшиеся объектами притязания победителей, месяц спустя уже воспринимались ими как «штаб революции».

Незадолго до проведения праздника представитель реквизиционной комиссии исполкома Гельсингфорсского совета доложил депутатам о согласии нового финляндского генерал-губернатора М. А. Стаховича предоставить исполнительному комитету здание царского дворца на Северной Эспланаде. Однако позже поступило разъяснение, что генерал-губернатор не может им распоряжаться, поскольку «дворец не принадлежит русскому правительству». Депутаты обратились к финляндскому сенату с просьбой освободить здание, взяв под свою ответственность хранящиеся в нем драгоценности, а дворец передать исполкому¹⁷.

Ходатайство было удовлетворено, однако символ имперской власти не мог войти в систему новых общественных ценностей без «переворачивания» — принижения его прежнего статуса. «Известия» сообщили, что финляндские власти перевели Временный военный госпиталь, размещавшийся во дворце, в другое место, но после этого в опустевшем здании «всюду обнаружена страшная грязь, много вещей и ценной мебели попорчено и расхищено», в частности, «не находят ценного серебряного подноса». Свидетельством символического падения дворца как воплощения бывшего имперского величия стало упоминание о том, что в комнате, расположенной под тронным залом, «в течение трех месяцев содержались свиньи, а в одной из ванных комнат помещались куры»¹⁸.

Ко времени проведения «парада революции» Мариинский дворец уже не должен был считаться «нечистым местом» городского пространства, его вовлечение в праздничное действо как раз и предполагало ритуальное «очищение» поруганной святыни. Здание, где начал работу исполнительный комитет Совета, украшал флаг исполкома и другие знамена, в течение всего праздника перед дворцом играл оркестр артиллерийской части.

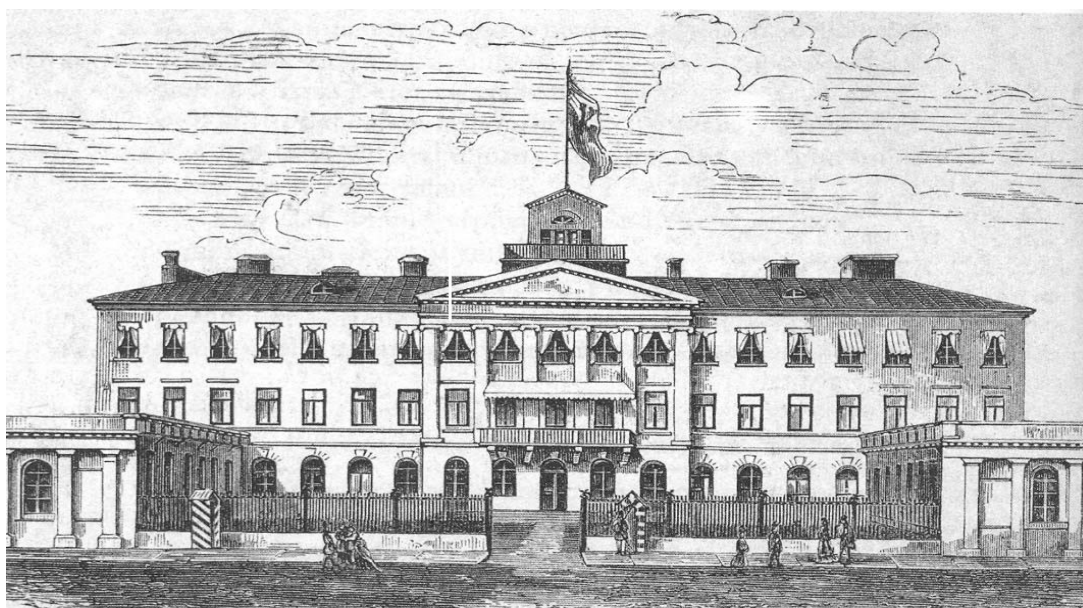

Рис. 1. Здание Мариинского дворца в Гельсингфорсе [8: обложка]

Возле Свеаборгского павильона на пристани возвышалась трибуна, убранная кумачовыми флагами, лозунгами «Земля и воля», «Война за свободу», «Да здравствует демократическая республика», а также «аллегорической картиной», изображавшей рабочего, солдата и матроса, которые, попирая «разломанную корону», приветствовали Свободу¹⁹.

Предыдущие демонстрации осваивали пространство города «по горизонтали», включая передвижение на автомобилях. «Праздник революции» примечателен тем, что в нем сочетались элементы парада и похоронного ритуала (минута молчания, речи и траурные марши в память погибших во время Ленских событий), а также тем, что городское пространство осваивалось в буквальном смысле слова «по вертикали». В разгар торжеств над Торговой площадью появился аэроплан с красным флагом, в течение трех часов он «совершал красивые эволюции» перед «войсками и народом», опускаясь «почти до высоты крыш окружающих площадь домов». С земли можно было увидеть пассажиров, которые под громкие крики «ура» «с энтузиазмом махали шапками», приветствуя собравшихся, а летчик просигналил им ракетами.

Свойственный ритуалу эмоциональный подъем, связанный с этим небывалым зрелищем, сплотил участников парада и зрителей. Они ощущали себя единым целым, а все происходившее — не только временем праздности, отдыха и досуга, но и чем-то резко контрастирующим с привычной повседневностью, с обыденным трудом, чем-то «иным», экстраординарным и нереальным: «Какой восторг! — писал очевидец, — прожить такой день, тогда не жалко помереть. После такой трехсотлетней тирании настоящее кажется сказочным»²⁰.

Митинг проходил под руководством лидеров социал-демократов и эсеров. В. Мазик, участник Февральских событий в Петрограде, член исполкома Совета и гельсингфорсского эстонского землячества, назвал совершившееся «Великой второй российской революцией». Во время совместных политических акций русских и финнов речи ораторов переводились специальными переводчиками, двуязычие такого рода оказывало особое воздействие на ситуацию. На смену прежним ценностям, ассоциировавшимся с рухнувшей империей и правлением дома Романовых, пришел образ «братской семьи народов», представители которой приветствовали участников митинга.

Среди выступавших были и «престарелый финн — герой Свеаборгского восстания», его речь переводилась со шведского языка, и представитель Кронштадтского гарнизона, и делегат с фронта, офицер-республиканец, и председатель исполкома Гельсингфорсского совета писатель и военный

моряк С. А. Гарин (Гарфельд) [10: 342], только что вернувшийся из поездки на заседание Петроградского совета.

От исполкома к участникам праздника обратился эсер прапорщик К. Термикелов. Он сравнил гнет свергнутого царизма с гнетом «татарского ига» и выразил уверенность в том, что русский народ «поможет всему миру и всем народам избавиться от угнетателей и правителей». Сославшись на только что полученное им письмо с Кавказа, оратор заверил, что «все народности: армяне, татары, грузины шлют свой низкий поклон» русским братьям, «которые, наконец, добыли им свободу». Контуры рухнувшей империи предстояло заменить очертаниями будущей демократической республики, ведущей «к социализму, торжеству правды и справедливости, братству всех народов, населяющих Россию»²¹.

Уверенность в том, что «русская революция сбросит и трон императора Вильгельма, всех царей, всех притеснителей, всех угнетателей во всем мире, потому что Русская революция опирается на величие русского сердца», выразил французский анархист, участник Свеаборгского восстания журналист Жан Болдт. Вдохновленные лозунгами свободы, равенства, братства, социалистической республики и гибели капитализма, участники парада прокричали Болдту «ура», а матросы на руках внесли оратора в здание бывшего царского дворца. Городскими сооружениями, также отмеченными «повышенной семиотичностью», стали Народный дом финских рабочих организаций в Сернесе (Рабочий дом) и русский Александровский театр на Бульварной улице, где проходили общие собрания Совета.

Преодоление «семиотического хаоса»

В дни революционных потрясений обнаружилось стремление военнослужащих к совместному с финскими рабочими освоению коммуникативного пространства финляндской столицы во время матросских и солдатских митингов на Сенатской площади, подобных тому, что состоялся 5 апреля.

В этот день 20-тысячный митинг военных собрался в поддержку манифестации финнов, предъявивших ультиматум союзу предпринимателей. Накануне финские рабочие обратились к солдатам и матросам через газету гельсингфорсских большевиков «Волна», разъяснив суть ультиматума, выдвинутого профсоюзом металлистов: или немедленное повсеместное введение в Финляндии 8-часового рабочего дня, или всеобщая забастовка рабочих Финляндии. Российские военнослужащие солидаризировались с этими требованиями.

По свидетельству одного из руководителей гельсингфорсских большевиков В. Н. Залежского, среди участников митинга преобладали матросы, «настроение было сильно повышенное», звучали «речи финских рабочих к матросам, речи наших ораторов», началось «братание русских с финнами» [11: 126–127]. «Волнующая импульсивная матросская масса резко контрастировала с внешне спокойными, хладнокровными финнами. Казалось, что не финны борются, а матросы... Стоять, слушать речи и внешне спокойно дожидаться часами того результата, который примет союз хозяев, как это делали финны, — нашим матросам было совсем не по нутру. Их настроение и воля рвались к действию» [11: 126–127]. Делегация от рабочих, избранная на митинге, добилась согласия предпринимателей удовлетворить требования металлистов [12: 47–48].

Воспоминания Залежского примечательны упоминанием еще одного важного места в системе политической топографии Гельсингфорса — Народного дома. Вечером 5 апреля «в ограде рабочего дворца» состоялся большой митинг, «ибо трехтысячный зал не мог вместить всех желающих». В числе выступавших были как русские, так и финны. Отмечая успех влияния большевиков на рядовых военнослужащих, Залежский подчеркнул, что их оппоненты из организаций меньшевиков и эсеров «как-то незаметно исчезли с улиц и площадей, которые остались уже безраздельно в распоряжении работников Гельсингфорского комитета РСДРП» [11: 128].

Вне зависимости от степени достоверности этого утверждения оно говорит о той роли, которую партийные коллективы отводили «присвоению» городского пространства. Улицы и площади великокняжеской столицы становилось ареной противоборства, где продолжалось размежевание с политическими противниками, в значительной степени символическое.

6 апреля общее собрание Гельсингфорсского совета приветствовала делегация Центральной организации профессиональных союзов Финляндии (ЦОПФ) во главе с Ээро Хаапалайненом. Он благодарил русских солдат, матросов и рабочих за оказанную ими «великую услугу», закончив выступление приветствием «да здравствует великая российская революция!»²².

Социал-демократическое руководство ЦОПФ вынесло законопроект о 8-часовом рабочем дне на утверждение сейма, несмотря на то, что на многих предприятиях он уже был установлен явочным порядком. Финны настаивали, чтобы до разрешения вопроса парламентским путем русские матросы и солдаты «спокойно дожидались результатов этих мероприятий» и не вмешивались в конфликты между рабочими и работодателями без согласия ЦОПФ и исполкома Гельсингфорсского совета²³.

Вскоре после митинга в поддержку металлистов представитель финляндских социал-демократов выступил на заседании Совета с протестом против действий гельсингфорсского комитета РСДРП, «нарушившего конституцию страны». И хотя преобладающее влияние на депутатов Совета имели эсеры, присутствующие встретили это заявление «шумом и даже свистом» [11: 129], а социал-демократическая газета “*Tuólmies*” писала о решительной поддержке, которую финским трудящимся оказали матросы и солдаты, потребовавшие немедленного установления 8-часового рабочего дня во всех, а не только в каких-то отдельных областях труда [13: 19].

Однако одновременно с попытками участников митингов и демонстраций разделиться по этническому признаку или по партийной принадлежности весной 1917 года наблюдалось явное стремление военнслужащих к «снятию» оппозиции между отдельными отрядами сторонников революционного переустройства бывшей Российской империи. Вслед за «братанием» русских с финнами или украинцами, служившими в российских войсках, эту же цель преследовало и проведение совместного шествия по Гельсингфорсу в день 1 мая (18 апреля ст. ст.). Инициатива проведения манифестации принадлежала финским социал-демократам, которые разработали ее план и порядок следования колонн вместе с представителями организаций социалистических партий и депутатами Совета. В отличие от ранее проводившихся шествий, первомайская манифестация, спланированная финнами, не ограничилась прохождением из периферийных районов города к центру и не предполагала движения демонстрантов мимо бывшего царского дворца.

Сборным пунктом русских участников шествия стала Сандвикская площадь, а финские рабочие начали движение с Вокзальной. Со всех концов города и из пригородов на сборные пункты стекались матросы, солдаты и рабочие. По свидетельству очевидца, Сандвикская площадь представляла особенно красивое зрелище благодаря сотням знамен, плакатов и транспарантов, исключительно красного цвета, среди которых выделялись плакаты «Сеятель» и «Единение», а также знамя гельсингфорсского отделения петроградского сталелитейного Обуховского завода²⁴. Обе колонны по четыре человека в ряд двигались по своему маршруту к месту встречи на углу Северной Эспланады и Михайловской улицы, где выстроились параллельно и направились на Спортивный плац в отдаленном районе Дьюргордене.

Стремление к расширению «своего» пространства в ситуации смены прежних общегосударственных ценностей прослеживается и в совместном «освоении» финляндцами и россиянами таких «непредставительских» с точки зрения имперской семиотики мест, каким был Спортивный плац. Для финляндцев же, имевших, по наблюдениям военных, «врожденную склонность» к охоте и спорту²⁵, это пространство являлось весьма значимым. Выстроившись на плацу у заранее приготовленных трибун, участники манифестации прослушали выступления ораторов-социалистов (по двое от социал-демократов, эсеров и СДПФ) и такими же стройными колоннами двинулись обратно в город. Организованное движение по финляндской столице должно было противопоставить «хаосу» мартовских потрясений демонстрацию единодушия и дисциплины сторонников нового порядка в стране.

Первомайская демонстрация произвела сильное впечатление на В. Н. Залежского именно благодаря своей «стильности» и «классовой определенности». Ему импонировало то, что в этот день «резко и ясно выявились два непримиримых мира — буржуа и пролетарии», тогда как в российской столице в течение марта и в начале апреля «все дома наряжались в красный цвет», а «буржуа и обыватели разукрашивались ленточками и бантами» [11: 134].

Улицы и площади Гельсингфорса превращались в сцену, на которой разные общественные силы оказывались символически разведены не только в пространстве, но и во времени. По случаю старинного студенческого праздника, отмечавшегося Первого мая, владельцы ресторанов, кофеен и кондитерских заранее объявили, что торговля в этот день производиться не будет. Владельцы наемных автомобилей и легковые извозчики по постановлению своих цеховых организаций оповестили о прекращении работы, трамвайное движение возобновилось лишь в 3 часа дня²⁶.

По словам В. Н. Залежского, вплоть до возвращения манифестантов с плаца в пять часов вечера улицы оставались пустынными: «буржуа и обыватель сидели дома», город имел «какой-то строгий вид», «казалось, что сами дома буржуазии насторожились и с какой-то скрытой тревогой смотрели на демонстрирующие колонны рабочих». В то время, когда «в затихшем городе спокойно и мерно раздавались шаги рабочих колонн», а затем в исполнении оркестров зазвучали «Марсельеза» и «Интернационал», подхваченные демонстрантами, «буржуазный мир терпеливо дожидался, когда рабочие закончат свой праздник» [11: 134].

Зато вечером особый символический смысл приобрело альтернативное празднование буржуазией «своего 1 мая, традиционного праздника весны»: «улицы сразу оживились, приобрели какой-то нарочно подчеркнутый, игривый вид, так не свойственный обычно финскому городу». В вечернем городе, увиденном глазами большевистского активиста, «буржуазия, казалось, веселится напоказ, пряча скрытую тревогу перед только что прошедшей рабочей демонстрацией, и, внешне бравидура, хочет подчеркнуть, что ей не страшно, что она беззаботно веселится» [11: 134].

В дни Февральской революции, несмотря на сохранявшееся недоверие между матросами и солдатами и финскими рабочими, российские военные пытались революционизировать трудящихся Финляндии. Участвуя в политических акциях финнов и обещая силой поддержать выдвинутые рабочими требования, военные содействовали радикализации как социальных движений, так и национальных устремлений финляндцев. Прежнее противостояние имперского/финляндского в политической топографии Гельсингфорса усложнялось новой оппозицией буржуазного/демократического, эта оппозиция проявлялась как на уровне символического пространства, отделявшего «центр» города от его «окраин», так и на уровне ритуала-шествия, в который вовлекались «свои» и которым отторгались «чужие».

Присвоение пространства через ритуально инвертированное поведение — ритуальное осквернение прежней или чужой «святыни» — наблюдалась и в последующие месяцы революционных перемен в Финляндии. Пример тому — участие военнослужащих в предпринятом анархистом Жаном Болдтом захвате главного лютеранского храма на Сенатской площади — Николаевского собора [13: 88–92]. В начале лета местная печать порицала «возмутителя спокойствия» финляндской столицы Жана Болдта за то, что при задержании городскими властями он оказывал сопротивление «и вообще шумел на улице»²⁷.

17 июня, ворвавшись в собор вместе с четырьмя сотнями своих сторонников, Болдт с амвона произнес «зажигательные речи» на шведском, французском и русском языках, требуя, чтобы сейм немедленно принял законопроект о коммунальном самоуправлении. Выступления прерывались бурными аплодисментами, пением «Марсельезы», «Интернационала», а также «рабочего марша и анархистских песен». Как отмечалось в прессе, среди слушателей Болдта были и военные, из-за чего возникла опасность «кровавопролития» в случае, «если только солдаты вмешаются в это дело». При попытке финского комитета общественного порядка очистить церковь «матрос пригрозил, что на помощь придет военная сила в 5 тыс. человек»²⁸.

К утру Болдт и несколько его сторонников были арестованы и препровождены в полицейское управление. Когда толпа на Сенатской площади узнала об аресте, «многие бросились по направлению к гавани, чтобы позвать на помощь матросов». Собравшиеся на площади, в том числе и российские военные, вступили в стычки с милиционерами и ранили троих из них, но не смогли освободить арестованных. На следующий день Болдт был вынужден уехать из города. «Главная церковь наша почти что на целые сутки обращена была в постоялый двор... Худшей рекламы для новой свободы трудно и придумать», — писала шведская газета Hufvudstadsbladet. За пятнадцать часов «захваченный» собор «оказался приведенным в такое состояние, что на уборку помещения потребовалась целая неделя»²⁹. Подобное поведение все же не было типичным для солдат и матросов, остававшихся в Гельсингфорсе. Их больше беспокоила пусть даже мнимая опасность утраты уже «освоенных» ими городских пространств и объектов.

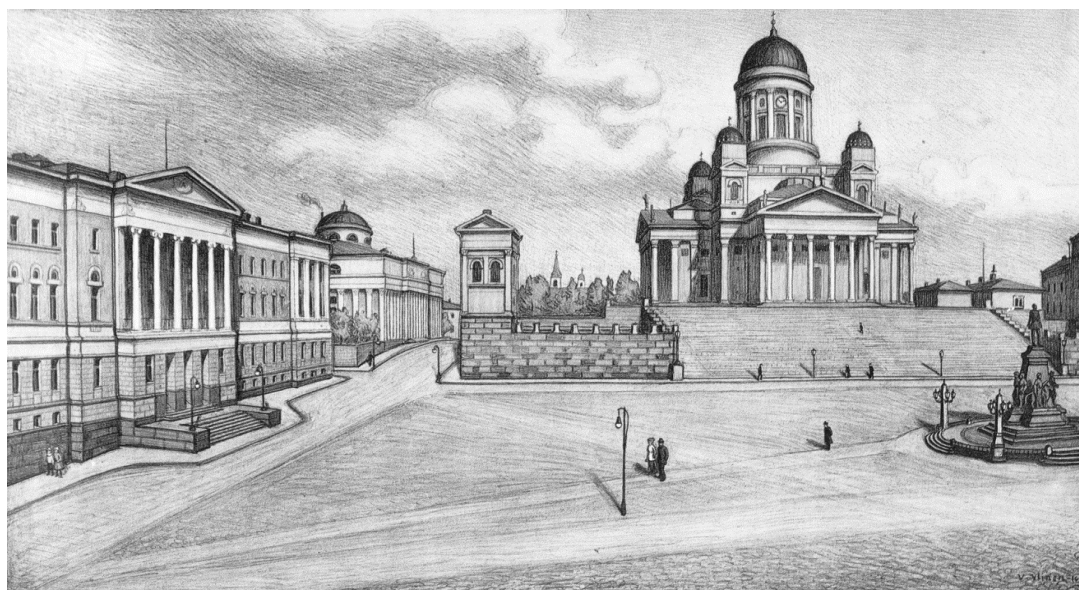

Рис. 2. Лютеранский собор в центре Сенатской площади в Гельсингфорсе [8: 12]

В контексте событий, осмысливавшихся как символически переходные, поведение людей — групповое, индивидуальное или на уровне лидеров — было повышено семиотичным. Поэтому и особый смысл покушения на завоеванное пространство и угрозу восстановления того, «что было прежде» моряки и армейцы усматривали в, казалось бы, привычных и знакомых картинах городской повседневности. Летом 1917 года к этой будничной жизни кто-то из них относился с яростным негодованием, а кто-то — с иронией и сарказмом, какими, например, проникнуто стихотворение Василия Фролова.

Его автор, служивший писарем в крепости Свеаборг, в 1917 году опубликовал в Гельсингфорсе несколько стихотворных сборников. В стихотворении «Штрихи» он описывает в форме шуточного послания «дядюшке» как повседневную жизнь крепости, так и беспокойную обстановку в финляндской столице:

...Если в город приезжаю,
То брожу по Эспланадной
Среди публики нарядной.
Вечно ясная погода.
Много праздного народу.
Повергают в умиление
Мою душу, наслажденье
Навевает мне бряцанье
Шпор военных...
...Ах, забыл, со дня восстанья
В Петрограде к нам вниманья
Здесь немало проявили.
Офицеры порешили
На другой же день согласно,
Что служить без них (погон — Е. Д.) — ужасно,
И с девизом «Единенье!»
Нацепили украшение
Все зараз к себе на плечи,
Но...опасны эти речи...³⁰.

Рис. 3. Гельсингфорсская Эспланада с памятником Й. Л. Рунебергу. Начало XX века [8: 91]

В стихотворении звучат отголоски перипетий «погонной революции», потрясавшей Балтийский флот в апреле 1917 года и ставшей едва ли не самым ярким проявлением разрушительных действий восставших по отношению к прежним символам господства/подчинения. Ношение погон балтийскими моряками было отменено приказом № 125 командующего флотом А. С. Максимова от 15 апреля. Отчасти это было продиктовано необходимостью избежать новых случаев насилия над офицерами, подобных тем, что стали печально известны всей стране в связи с расправами на кораблях и в городе 4–5 марта 1917 года. Эта тема нашла отражение как в обширной мемуарной литературе, так и в специальных исследованиях [14: 21–33; 15: 274–277].

Жители финляндской столицы обнаруживали последствия нововведений буквально «под ногами» на улицах Гельсингфорса. Согласно дневниковой записи И. И. Ренгартена от 15 апреля, «командующий флотом и комендант крепости издали приказы, и это было приведено в исполнение». Но при этом «сделали уличный беспорядок: улицы Гельсингфорса полны груд матросских и солдатских погон — они снимают их с себя и друг с друга и бросают на мостовую. Со встречающих офицеров, еще не знавших о приказе, тоже снимали погоны — вообще, это явное желание унижить»³¹.

Обращаясь к солдатам и матросам, свеаборгский артиллерист Д. Усов убеждал: «мы теряем достоинство, останавливая на улицах Гельсингфорса своих товарищей — солдат, матросов и офицеров, срезая с плеч погоны без всякого на то основания от представителей наших депутатов. Почему бы не вынести распоряжение снять погоны через комитет? Совестно это делать свободному гражданину, портить своему же товарищу одежду», ведь «через постановление депутатов погоны сняли бы все без исключения сами»³². Стратегия такого поведения нижних чинов, ориентированная на нанесение оскорбления явным или мнимым приверженцам самодержавной власти, должна была «принизить» социальный статус противника.

У рядовых наблюдалось отрицание этикетных норм поведения, в том числе и поведения на улице. На фоне прежней упорядоченной жизни Гельсингфорса это имело особое значение. Стремление нижних чинов двигаться по проезжей части, а не по тротуарам шокировало очевидцев потому, что прежде контроль над соблюдением порядка передвижения в великокняжеской столице возлагался именно на военных. С утратой войсками, находившимися в Финляндии, своей главной

задачи — защиты трона и суверенитета империи, в глазах военнослужащих утратила смысл и одна из прежних задач — напоминать населению об обязательном уважении к центральной власти, гарантировать политический и общественный порядок.

Заключение

Подводя итог исследованию вопроса о том, как в дни Февральской революции 1917 года и в обстановке первых революционных месяцев в армии и на флоте символы прежней власти трансформировались и заменялись новыми, нужно отметить следующее.

Прежде символика великокняжеской столицы, во многом определявшая «лицо города», была призвана формировать как у финляндцев, так и у военных, служивших в Гельсингфорсе, представления о «единой и неделимой» России и помогала матросам, солдатам и офицерам осваивать пространство «чужого» города, а за ним и всей Финляндии как «свое». Миф восприятия себя как защитников дальних подступов к столице империи и ее северо-западных рубежей сталкивался с мифом финляндцев, которые в годы Первой мировой войны стали считать русское присутствие в княжестве чуть ли не «оккупацией».

Весной 1917 года в ритуализированном поведении нижних чинов во время шествий, демонстраций и митингов тенденция к расширению «своего» пространства проявлялась в предпочтениях спонтанно избираемых маршрутов из периферии «освоенного мира» в центр города, в использовании музыкальных и графических символов революции, клишированных жестов таких, как обмен красными лентами и бантами. Это позволяло россиянам и финнам понимать друг друга без перевода. Праздничные ритуальные прохождения по улицам Гельсингфорса не только символизировали объединение «полюсов» городского пространства, смешение парадного «верха» и «низа» окраины, но и демонстрировали отказ от противопоставления разнотнических групп горожан и военнослужащих.

На митингах на Сенатской площади или в Рабочем доме в Сернесе российские военнослужащие объединялись с финскими рабочими, которые пытались привлечь радикально настроенных рядовых к своей борьбе за установление 8-часового рабочего дня или за принятие сеймом закона о самоуправлении коммун. Места проведения совместных манифестаций и митингов все чаще совпадали с дореволюционной топографией протестных действий горожан, а маршруты демонстраций становились более упорядоченными. Однако шествия, спланированные финнами, не предполагали прохождения мимо главного из прежних имперских символов города — бывшего царского дворца, что обязательно предусматривалось во время парадов, организованных русскими военными. Финляндцы сохранили и свои традиционные места проведения митингов, на которые предпочитали собираться без участия солдат и матросов (таким стал сквер на Эспланде возле памятника выразителю финских национальных устремлений Й. Л. Рунебергу).

Намеренные нарушения норм поведения (попытки разрушить монументы, напоминавшие о рухнувшей империи, срезание погон с форменной одежды офицеров и рядовых и т. п.) призваны были способствовать превращению сферы «чужого» в «свое». В финляндской столице, как и по всей стране, шло символическое разрушение «имперского наследия», однако революционные события весны 1917 года здесь имели особенности, которые были обусловлены национальным составом населения и сохранявшимся автономным положением бывшего Великого княжества.

Список сокращений

РГА ВМФ — Российский государственный архив Военно-морского флота
РСДРП — Российская социал-демократическая рабочая партия
ЦОПФ — Центральная организация профсоюзов Финляндии
КА — Kansallisarkisto (Национальный Архив Финляндии)
SKS Arkisto — Архив фольклора Финского литературного общества

Примечания

¹ См., например: Россия и Финляндия: от противостояния к миру. 1917–1920: сб. документов / отв. сост. М. В. Зеленев; сост. Н. А. Лысенков и др. М.: Научно-политическая книга; Политическая энциклопедия, 2017.

- ² Казанцев Д. Л. Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. 1914–1917. М., 2016. С. 113–114.
- ³ Vallankumousuhrien juhlallisten hautajaisten johdosta // Työmies. 1917. 29, 31 maalisk, 1 huhtik.
- ⁴ РГА ВМФ. Ф.2063. Оп. 1. Д. 2. Л. 9. Об. 13; Известия Гельсингфорсского совета. 1917. 23 марта.
- ⁵ Kunniaosutus haudalla // Työmies. 1917. 31 maaliskuuta. S.5.
- ⁶ РГА ВМФ. Ф.2063. Оп. 1. Д. 2. Л. 11 об.
- ⁷ SKS Arkisto. «1918» kokoelma. (коллекция «1918 год»). Side 32. S. 280. Otto Sinisalo.
- ⁸ Известия Гельсингфорсского совета. 1917. 23, 24 марта.
- ⁹ Известия Гельсингфорсского совета. 1917. 31 марта.
- ¹⁰ Известия Гельсингфорсского совета. 1917. 13 апр.
- ¹¹ Известия Гельсингфорсского совета. 1917. 8 апр.
- ¹² Известия Гельсингфорсского совета. 1917. 8 апр.
- ¹³ Известия Гельсингфорсского Совета. 1917. 7 апр.
- ¹⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 200. Л. 20 об.
- ¹⁵ Известия Гельсингфорсского совета. 1917. 1 апр.
- ¹⁶ Известия Гельсингфорсского совета. 1917. 1 апр. Прибавление к номеру от 5 мая.
- ¹⁷ Известия Гельсингфорсского совета. 1917. 28 марта, 5 мая.
- ¹⁸ Известия Гельсингфорсского совета. 1917. 1 апр.
- ¹⁹ Известия Гельсингфорсского совета. 1917. 7 апр.
- ²⁰ Известия Гельсингфорсского совета. 1917. 7 апр.
- ²¹ Известия Гельсингфорсского совета. 1917. 9 апр.
- ²² Волна. 1917. 8 апр.
- ²³ Известия Гельсингфорсского совета. 1917. 7 апр.
- ²⁴ Известия Гельсингфорсского совета. 1917. 18, 20 апр.
- ²⁵ КА. «Русские военные бумаги». Д. 3847. Л. 13–13 об.; Ильинский А. Строительство // Известия совета депутатов армии, флота и рабочих Або-Оландской укрепленной позиции. 1917. 13 апр.
- ²⁶ Известия Гельсингфорсского совета. 1917. 18 апр.
- ²⁷ КА. «Русские военные бумаги». Д. 3943: Обзор финляндской периодической печати. 1917. № 1078. С. 19–20.
- ²⁸ Грандиозный скандал в Николаевской церкви // К сведению финляндского православного духовенства. Гельсингфорс, 1917. С. 19.
- ²⁹ Цит. по: Троицкий Д. В единении — сила // К сведению финляндского православного духовенства. Гельсингфорс, 1917. С. 13.
- ³⁰ Фролов В. На заре (стихотворения). Гельсингфорс, 1917.
- ³¹ РГА ВМФ. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 220. Л. 22.
- ³² Известия Гельсингфорсского совета. 1917. 20 апр.

Список источников

1. Luntinen P. The Imperial Russian Army and Navy in Finland 1808–1918. Helsinki: SHS, 1997. 486 p.
2. Юнтунен А. Свеаборг: страж Хельсинки и форпост Петербурга. 1808–1918 годы / пер. с финск. М.: «Весь Мир», 2018. 320 с.
3. Дубровская Е. Ю. «Имперское пространство» финляндской столицы и символы революционного времени в политической культуре российских военнослужащих Гельсингфорса весной 1917 года // Труды КНЦ РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 3. № 2. С. 103–115.
4. Дубровская Е. Ю. «Демократизация» армейской и флотской жизни: российские военные в Финляндии в период социально-политических трансформаций революции 1917 года // Труды КНЦ РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2023. Т. 2, № 1. С. 86–100.
5. Бажанов Д. А. Памятные революционные даты в Гельсингфорсе весной — летом 1917 г. как фактор формирования и отражения настроений (на примере моряков Балтийского флота) // Революция 1917 года в России: Новые подходы и взгляды. СПб.: РГПУ, 2012. С. 46–53.

6. Бажанов Д. А. Матросы и берег: 1-я бригада линейных кораблей Балтийского флота в Гельсингфорсе (1914–1917 гг.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: мат-лы ежегодн. междунар. научн. конф. (23–25 апреля 2003 г.). СПб.: РХГИ, 2004. С. 155–164.
7. Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 348 с.
8. Дубровская Е. Ю. Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. 128 с.
9. Назаренко К. Б. Балтийский флот в революции. 1917–1918 гг. М.: Эксмо, 2017. 448 с.
10. Лурье В. М. Военно-морская разведка СССР (1918–1960-е гг.). Справочник. СПб.: Дм. Буланин, 2009. 264 с.
11. Залеский В. Н. Гельсингфорс весной и летом 1917 г. // Пролетарская революция. 1923. № 5(17). С. 115–189.
12. Polvinen T. Venäjän vallankumous ja Suomi 1917–1920. 1 osa: Helmikuu 1917 — Toukokuu 1918. Helsinki Werner Söderström OY, 1967. 385 s.
13. Soikkanen H. Kansalaissota dokumentteina: valkoista ja punaista sanankäyttöä v.1917–1918. 1 osa. Helsinki: «Tammi», 1967. 381 s.
14. Колоницкий Б. И. Погоны и борьба за власть в 1917 году. СПб.: Остров, 2001. 83 с.
15. Бажанов Д. А. Служебные будни балтийских дредноутов (1914–1917 гг.) СПб: Астерион, 2022. 384 с.

References

1. Luntinen P. *The Imperial Russian Army and Navy in Finland 1808–1918*. Helsinki, SHS, 1997, 486 p.
2. Juntunen A. *Sveaborg: strazh Hel'sinki i forpost Peterburga. 1808–1918 gody* [Sveaborg: guard of Hel'sinki and outpost of Peterburg in 1808–1918]. Moscow, 2018, 320. (In Russ.).
3. Dubrovskaja E. Ju. «Imperskoe prostranstvo» finljandskoj stolicy i simvolj revoljucionnogo vremeni v politicheskoy kul'ture rossijskih voennosluzhashih Gel'singforsa vesnoj 1917 goda [“Imperial Space” of the Finland’s capital and symbols of the revolutionary time in the political culture of Russian servicemen in Helsingfors in the Spring 1917]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN. Estestvennye i gumanitarnye nauki* [Proceedings of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences. Natural Sciences and Humanities], 2024, vol. 3, no 2, pp. (In Russ.).
4. Dubrovskaja E. Ju. «Demokratizacija» armejskoj i flotskoj zhizni: rossijskie voennye v Finljandii v period social'no-politicheskij transformacij revoljucii 1917 goda [“Democratization” of army and naval life: Russian servicemen in Finland during the socio-political transformations of the revolution 1917]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN. Estestvennye i gumanitarnye nauki* [Proceedings of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences. Natural Sciences and Humanities], 2024, vol. 2, no 1, pp. 86–100. (In Russ.).
5. Bazhanov D. A. Pamjatnye revoljucionnye daty v Gel'singforsa vesnoj-letom 1917 g. kak faktor formirovanija i otrazhenija nastroenij (na primere morjakov Baltijskogo flota) [Memorable revolutionary dates in Helsingfors in the Spring and Summer of 1917 as a factor in the formation and reflection of morale of the troops (on the example of sailors of the Baltic Fleet)]. *Revoljucija 1917 goda v Rossii: Novye podhody i vzglyady* [The Revolution of 1917 in Russia: new approaches and views]. Saint Petersburg, Russian State Pedagogical University Publ., 2012, pp. 46–53. (In Russ.).
6. Bazhanov D. A. Matrosy i bereg: 1-ja brigada linejnyh korablej Baltijskogo flota v Gel'singforsa (1914–1917 gg.) [Sailors and the shore: the 1st brigade of the Baltic Fleet battleships in Helsingfors (1914–1917)]. *Sankt-Peterburg i strany Severnoj Evropy. Materialy ezhegodnoj Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (23–25 aprelja 2003)*. [Saint Petersburg and the countries of Northern Europe. Proceedings of the 5th Annual International Scientific Conference]. Saint Petersburg, The Russian Christian Institute for the Humanities, 2004, pp. 155–164. (In Russ.).
7. Kolonickij B. I. *Simvolj vlasti i bor'ba za vlast': k izucheniju politicheskoy kul'tury rossijskoj revoljucii 1917 goda*. [Symbols of power and struggle for power: on the study of political culture of Russian revolution 1917]. Saint Petersburg: Dm. Bulanin Publ., 2001, 349 p. (in Russ.).

8. Dubrovskaja E. Ju. *Rossijskie voennosluzhashhie i naselenie Finljandii v gody Pervoj mirovoj vojny* [Russian servicemen and the population of Finland during the First World War]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publ., 2008, 128 p. (In Russ.).
9. Nazarenko K. B. *Baltiiskij flot v revoljucii. 1917–1918 gg.* [The Baltic Fleet in Revolution. 1917–1918]. Moscow, Eksmo Publ., 2017, 448 p. (In Russ.).
10. Lurye V. M. *Voенно-morskaja razvedka SSSR (1918–1960-gg.) Spravochnik.* [Naval intelligence of USSR (1918–1960-s.) Reference book]. Saint Petersburg: Dm. Bulanin Publ., 2009, 264 p. (In Russ.).
11. Zalezhsij V. N. Gel'singfors vesnoj i letom 1917 g. [Helsingfors in Spring and Summer 1917]. *Proletarskaja revoljucija* [Proletarian Revolution], 1923, no. 5 (17), pp. 115–189. (In Russ.).
12. Polvinen T. *Venäjän vallankumous ja Suomi 1917–1920. 1 osa: Helmikuu 1917 — Toukokuu 1918.* Helsinki, Werner Söderström OY, 1967, 385 p. (In Finnish).
13. Soikkanen H. *Kansalaissota dokumentteina: valkoista ja punaista sanankäyttöä v. 1917–1918. 1 osa.* Helsinki, Tammi, 1967, 381 p. (In Finnish).
14. Kolonickij B. I. *Pogony i bor'ba za vlast' v 1917 godu* [Shoulder-straps and struggle for power in 1917]. Saint Petersburg, Ostrov, 2001, 83 p. (In Russ.).
15. Bazhanov D. A. *Sluzhebnye budni baltijskih dreadnoutov (1914 – 1917 gg.)* [Official everyday life of the Baltic dreadnoughts (1914–1917)]. Saint Petersburg, Asterion, 2022, 384 p. (in Russ.).

Информация об авторе

Е. Ю. Дубровская — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Information about the author

E. Yu. Dubrovskaya — Ph D (History), Senior Researcher.

Статья поступила в редакцию 23.09.2024; одобрена после рецензирования 27.09.2024; принята к публикации 30.09.2024.
The article was submitted 23.09.2024; approved after reviewing 27.09.2024; accepted for publication 30.09.2024.